

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

ПОСЛЕДНИЕ
ЖЕЛАНИЯ

Зинаида Гиппиус
Последние желания

«Public Domain»

1900

Гиппиус З. Н.

Последние желания / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1900

«Бледные виноградные усики щекотали лицо Нюры. Она некрасиво поморщилась, сорвала усик с досады, так что затрепетали широкие листья и уже завязавшиеся плоды – крошечные гроздья, но не переменила положения. В беседке была нестерпимая жара. Солнце желто-белыми пятнами ложилось на скамью, где лежала Нюра, на ее светлое ситцевое платье и на кокетливый наряд смуглой Маргариты...»

© Гиппиус З. Н., 1900

© Public Domain, 1900

Содержание

I	5
II	8
III	11
IV	13
V	15
VI	20
VII	22
VIII	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Зинаида Гиппиус Последние желания

I

Бледные виноградные усики щекотали лицо Нюры. Она некрасиво поморщилась, сорвала усик с досады, так что затрепетали широкие листья и уже завязавшиеся плоды – крошечные гроздья, но не переменяла положения. В беседке была нестерпимая жара. Солнце желто-белыми пятнами ложилось на скамью, где лежала Нюра, на ее светлое ситцевое платье и на кокетливый наряд смуглой Маргариты.

– Вася, – крикнула вдруг Нюра своим резким, точно всегда обиженным голосом, обращаясь к мальчику лет двенадцати-тринадцати, сидевшему подле, на столе. – Сколько раз тебе говорить, что неприлично смотреть человеку в лицо два часа, как ты делаешь! Что ты с Маргариты глаз не сводишь? И еще усмехаешься глупо.

Вася вздрогнул и боязливо покосился на двоюродную сестру. Лицо у него было не по летам ребяческое, всегда встревоженное, неумное, с маленьким вздернутым носом, и выпуклыми, рыже-карими глазами, добрыми и воспаленными.

– Я что же, – сказал Вася. – Я ничего. Ты не сердись, пожалуйста, Нюра. Я о своем думал. И еще думал вот о Маргарите Анатольевне. Она мне вчера эту венгерскую песню на фортепьяно играла. Я и думал, подходит она к песне или нет.

– Вот пустяки, – сказала Маргарита.

Она улыбнулась и показала очень ровные и белые зубы. Нюра завидовала Маргаритиным зубам, потому что у нее они были редкие и некрасивой формы. Каждый раз, когда одинаковое чувство зависти кололо ей сердце, она одинаковым образом себя утешала. Зубы, положим, красивые, а все-таки Маргарите неизвестно сколько лет, может быть, двадцать семь, а может быть, и больше, а ей, Нюре, наверно, шестнадцать. И хотя эти шестнадцать лет самой Нюре не дают никакого наслаждения, но она знает, что Маргарита завидует – и рада этому.

– Папа сказал, что он тебя непременно к твоей матери отправит, если не будешь учиться, – сказала Нюра грубо, опять обращаясь к Васе. – Ты к осени хоть в прогимназию должен поступить. Ведь ты в третий класс не выдержишь! А хоть здесь и небольшая радость круглый год торчать, однако все же, я думаю, лучше, чем у твоей прелестной мамы! Господи! Какая скука! И подумать – по крайней мере год еще здесь!

Маргарита пожала плечами.

– Возьмите серьезную книгу. Я читаю Тэна, об уме и познании. Могу вам дать первую часть. А с августа начнется сезон, нечего жаловаться на скуку.

– Сезон!

Нюра даже вскочила и села на скамейку. Ее соломенного цвета волосы с темноватыми прядями на висках растрепались; свежее, широкое лицо, с вечным выражением тупой скуки, покраснело; на него легли слабо трепещущие пятна солнца.

– Сезон, – повторила она. – А нам сезон здесь, на горе, в трех верстах от города? Как сидели три месяца, так и будем сидеть! Кто сюда зайдет, в эту глушь? Самим идти в Ялту, чтобы вернуться без сил, после подъема на наш Монблан! Даже лошади его не берут. И что за охота идти в город, где ни души не знаешь? Это вам весело, вам кажется, что всякий незнакомый франтик, если он идет по той же дороге, уже прельщен вами и преследует вас! А за мной не побегут, да и не того я желаю!

Красивое смугло-желтое лицо Маргариты нахмурилось. Она хотела ответить резко, но сдержалась и произнесла с презрительной холодностью:

– Какая вы еще девочка, Нюра! Видно, что не выезжали. Да я думаю, вам и рано. Год в глуши – если это глушь – будет вам полезен, уравновесит вас.

– Очень я думаю о ваших выезжаниях, – вскрикнула Нюра. – Это у вас в Киеве есть еще допотопные правила «вывозить» барышень, которые, в свою очередь, рады этому «вывозу», думают о женихах и на это жизнь кладут! Господи! Только кончила гимназию, только что открылась дорога, хотелось идти к истинным честным людям, хотелось понять, что такое жизненная борьба, учиться правде у других, работать, может быть, а главное, понять, как и чем живут эти другие, и вдруг – трах! Эта папочкина болезнь, годовой отпуск – и здесь, на горе, без книг, без общения с людьми – с этим Васькой, который свои канты распевает, с Вавой полоумной да с папочкиным пасьянсом! Это трагедия, трагедия!

– Познакомьтесь со студентом, – сказала Маргарита равнодушно.

Нюра удивилась и спросила тише:

– С каким студентом?

– Да с каким-нибудь. Придет какой-нибудь. Вот у хозяина нашего есть, кажется, студент – племянник. Мы и хозяина еще не знаем, но он на днях приедет. Так можно попросить, чтоб он для вас студента выписал.

Нюра укоризненно и с достоинством покачала головой.

– Вот видите, у вас только злое на уме, Маргарита. Ведь это глупо, что вы сказали. Со студентом, если придется, познакомлюсь, а ваша нелепая фраза доказывает, что вы меня не понимаете. И не говорите мне, что вы тоже скучаете. Вы по вечерам по кавалерам киевским скучаете. А я ухаживаний ваших не знаю, да и знать не желаю. Я жизни хочу! Борьбы, деятельности, труда! Вы с Вавой про ухаживания говорите! У нее уже висок седой, а все еще только любовью и грезит да птичкой поет. Наградил Бог тетенькой!

Маргарита опять сдержалась.

– Напрасно судите то, чего, сами же говорите, что не знаете.

– Прежде чем на борьбу стремиться, Тэна бы почитали. Ведь так и валяется первая часть.

Нюра хотела окончательно рассердиться, но ей стало лень и жарко. Она посмотрела на Маргариту, щурясь от мигающих солнечных бликов, лениво вздохнула и опять улеглась на скамью, подложив руки под голову. Маргарита не могла лечь, потому что у нее был очень узкий и высокий корсет. Она только устало прислонилась к столбу беседки. Лица обеих девушек, на минуту оживленные спором, приняли то серое, тупо-кислое выражение, которое является у праздных женщин, когда они остаются одни. Неумное лицо Васи было живее. Он куда-то глядел, прямо, и тонко, про себя мурлыкал не то песню, не то стих.

Нюра медленно повела глазами и спросила:

– И ты скучаешь?

Вася опять вздрогнул от неожиданности, потом засмеялся.

– Где?

– Ну да здесь, я спрашиваю.

– Сейчас?

– Господи, какой глупый! Ведь слышал о чем говорили.

– Нет, не слышал, – откровенно признался Вася. – Тут сколько всего произошло, а вы и не видали! Пока вы говорили, я все смотрел. Сначала жук прилетел, сел на виноградный лист – и упал. Тяжел очень. Потом муха разноцветная чистила лапки на солнце, а вдруг на солнце облако нашло. Муха не поняла, почему потемнело, испугалась и притворилась мертвой. А облако на солнце нашло ровное, как круг, белое с желтыми краями. Потом змея выползла вон оттуда, справа, из травы, вытягивалась и мотала языком, чешуя у нее, как края у облака, с желтыми пятнышками. Помотала языком и улезла налево. Вот теперь скоро назад должна идти.

– Ай, где? Где? Что ж ты раньше не сказал? – вскрикнула Маргарита, вскакивая с ногами на скамейку. – Слышите, Нюра, змея!

Нюра тоже испугалась, но на скамейку не вспрыгнула. Она была слишком плотна и широка.

– Куда вы? – закричал Вася, видя, что барышни уходят. – Чего ж вы? Она, ей-Богу, ничего! Она не хочет кусать! Она по своим делам пошла!

Но Нюра и Маргарита были уже далеко. Лицо Васи опечалилось. Он жалел, что сказал про змею и что его не так поняли. Но он остался все-таки ждать, когда она пойдет назад, глядя пристально в одно место карими воспаленными глазами и стараясь не петь, хотя ему очень хотелось петь, как он всегда пел про себя. Солнечные пятна дрожали на его стриженной голове.

II

Обедали на балконе, хотя балкон был весь в солнце и горячие лучи пронизывали занавесы из парусины. Но Андрей Нилыч приехал в Крым для тепла и уверял, что лечится солнцем. Он был очень слаб и худ после перенесенной в Москве жестокой грудной болезни, широкий чесучовый пиджак болтался на нем, как на вешалке. Белокурая борода сильно посерела. Он радовался тому, что поправляется, что ему дали годовой отпуск и что так хорошо он придумал нанять отдельную, тихую дачу вдали от города; но порою, не сознавая себе, скучал от праздности, оторванный от своих привычных занятий. Двадцать лет ходил на службу – а теперь некуда идти. И служба эта, собственно, была не нужна, деньги водились и помимо жалования; но ненужное дело все-таки наполняло жизнь. В минуты злобной тоски Андрей Нилыч капризничал, плаксивым, тонким голосом бранил няню Кузьминишну, которая нянчила его и его сестру Ваву; Ваве тоже доставалось. Потом все проходило, Андрей Нилыч вспоминал, что он болен и лечится, что ему уже лучше и что в Ялте прелестный климат. Он принимал усталый вид, спрашивал Маргариту о ее здоровье (Маргарита была дочь его старинного киевского приятеля; она всю зиму хворала, и Андрей Нилыч предложил другу прислать ее к ним), хвалил климат Ялты. Потом ему приносили карты, и за длинным и сложным пасьянсом он окончательно успокаивался.

Перед балконом была площадка и длинная гряда синевато-лиловых ирисов. Потом шел обрыв с кустами, внизу виднелась дорога. Два хребта гор, серых, с темно-зелеными пятнами, бежали слева направо, от севера к морю. Ближний был ниже и кончался раньше моря, а дальний подходил к морю обрывистыми скалами. Эти две стены так прямо и шли перед балконом, а море лежало вправо, внизу, и ясно был виден только залив. Ялта, маленькая и хорошенькая, жалась к морю. Белая церковь стояла высоко, на горе.

Солнце лизало вершины гор, которые стали темно-лиловые. Потом зашло за первую стену. Видно было, что оно еще не за горизонтом, потому что из ущелья к самой Ялте шел дымно-желтый сноп лучей.

Осторожный Андрей Нилыч ушел в комнаты на некоторое время, боясь заката по привычке, хотя было лето и жара. Маргарита читала книгу, вероятно Тэна, Вася ушел гулять в парк, Нюра в отцовском кресле тоже перелистывала какую-то книгу. На ступенях крыльца устроилась Варвара Ниловна. Она молча и без особых мыслей смотрела вниз, на Ялту, на розово-бледный горизонт моря. Около нее на подоле лежала довольно большая, пестрая, старая собака, которую звали Гитан. Собака была здешняя, почему-то привязалась к Варваре Ниловне и не отставала от нее.

Пароход звучно, гулко и радостно крикнул внизу. Его хорошо видно, он большой, черный, с красной полосой у воды. Видны, если присмотреться, и темные копошащиеся фигурки пассажиров. Кто-то приехал? Наверно, кто-нибудь интересный. Варвара Ниловна, или Вава, как ее зовут решительно все и она сама, улыбнулась про себя. Ей было весело. Она любила представлять себе – приятные вещи и всегда ждала хорошего впереди. Маргарита и Нюра тоже ожидали себе хорошего впереди, но слегка боялись за него и злились на настоящее. А Вава не боялась и потому не злилась. Она просто ждала.

Прошло еще несколько времени. Сильно темнело. Нюра зевнула, отложила книгу и рассеяно посмотрела на горы, которые теперь стояли черные, как сажа. Небо, впрочем, еще не успело потухнуть. Неясные, полуслышные звуки людской суеты, казалось, наполняли воздух. Но они исчезали, если к ним прислушивались. В далеких деревьях парка пронзительно стонали лягушки. Чуть слышный стук колес, слабый, но несомненный и беспокоящий, потому что был непривычен, донесся вдруг с нижней дороги.

В эту самую минуту около балкона мелькнула фигура Васи. Белая фуражка сидела на затылке. Вася был очень взволнован.

– Послушайте, – крикнул он. – Сегодня приедет! Едет! Сейчас только в кухне узнал, от садовника! И чего они молчали!

– Кто приедет? – спросила Нюра с любопытством.

Вася торжественно провозгласил:

– Генерал!

Нюра рассмеялась довольно презрительно, поняв, что дело шло о Радунцеве. Она знала, что Радунцев стар, живет в Москве, тайный советник и бывший профессор астрономии. Он вдов, дети живут отдельно, сам он приезжает каждое лето на свою крымскую дачу, причем живет в мезонине, а низ сдает.

– Вава и Васе какая радость! – произнесла она. – Вава обожает генералов. Жаль, что не военный. Ну да ничего. А ты, Вася, больше бы радовался, если бы не генерал приехал, а иеромонах? Кого больше любишь?

Вася серьезно принял вопрос и задумался, колеблясь. Но в эту минуту он увидел, что коляска, обогнув гору (ее редкие лошади брали), медленно подъезжает к ограде двора, за балконом, с другой стороны дома. Ничего нельзя было разобрать, темное пятно двигалось, только впереди ползли два огненных глаза фонарей. Гитан выпрямился, прислушался и вдруг с тонким визгом бросился вперед. Вася тоже не выдержал. Немного обидевшись на Нюру и Маргариту, которые упорно не двигались с места, он обратился к Ваве:

– Вава, а? Пойдем посмотрим! Мы сбоку, с веранды. А садовник огня вынес. Увидим!

– Ну, пойдем! – весело сказала Вава, подбирая подол своего темного распашного капота. – Только смотри, чтобы сбоку!

Садовник, точно, вынес фонарь, а потом и лампу на крыльцо. Светлое пятно, сгущая мрак кругом, легло на ступени, кусок дороги и коляску. Вверху были освещены деревянные переплеты веранды с бледными от лучей лампы листьями и частыми, большими, тяжелыми розами желтоватого цвета. Рядом с садовником, который был немного пьян и потому невнятно бормотал какие-то длинные приветствия, стояла садовникова жена, а около нее тщедушный солдат Иван с болезненно-обиженным лицом, поляк. Он не принадлежал к слугам генерала, его наняла няня Кузьминишна, чтобы он каждый день ходил в город за провизией и почтой; но он счел долгом присутствовать при встрече хозяина.

Из коляски вылезла женщина. Она была в черной косынке, с острым носом и крепко сжатыми губами. Она кивнула головой садовнику и садовниковой жене. Иван посмотрел на ее фартук и понял, что это генеральская кухарка. Садовник поставил лампу и протянул было руки. Но женщина в косынке отстранила его и с привычной ловкостью помогла генералу сойти с подножки. Вава и Вася из-за угла, с боковой веранды, увидели довольно высокого старика, сгорбленного, скорее согнутого слегка вперед, в черной крылатке. Из-под широкой панамы смотрело усталое лицо с исжелто-белой подстриженной бородкой. Маленькие старческо-голубые глазки мигали. Губы тоскливо шевелились. Он, вероятно, был очень стар.

Вава заметила его изящную толстую палку, красиво подстриженную бороду и дорогую шляпу. Генерал ей понравился. Она подумала: «В нем есть что-то аристократическое». И от этой мысли он ей сейчас же больше понравился. Когда генерал и встречавшие ушли внутрь, Вава захотела проверить свое впечатление и спросила Васю:

– Правда, в нем есть что-то изящное?

– Да, – сказал Вася, жмуря глаза. – Очень изящное! – Генерал! – прибавил он с упоением. – Вава, а ведь тайный советник выше архимандрита? Или архимандрит выше?

Вава рассеяно посмотрела на мальчика. Она не знала, кто выше, ей было все равно.

У запертого крыльца хрипло и надрывчато визжал пестрый Гитан, ударяя иногда в дверь передними лапами. Он хотел к генералу, которого обожал терпеливо и кротко. Он ждал его

много месяцев, а теперь его едва допустили поздороваться, не дали даже лизнуть в лицо и, наконец, отдалили окончательно. Гитан, впрочем, не возмущался. Он давно привык к общей несправедливости, так что она ему стала казаться справедливой. И в его визге не было негодования, а только упорная и кроткая мольба.

За чаем, в столовой, Андрей Нилыч, по обыкновению, раскладывал пасьянс, Вава пришивала сосредоточенно какую-то пуговицу, а Маргарита и Нюра никак не могли удержаться и начали расспрашивать Васю про генерала.

Вася был в восторге. Он уже обожал генерала. Вася находился под обаянием всевозможных чинов, но как-то не разбирался в их значении и проникался таким же благоговейным трепетом перед званием певчего придворной Лива-дийской церкви, как перед званием фельдмаршала, умилялся перед формой унтер-офицера, потому что у него на рукавах нашиты галуны сплошным золотым углом, и думал, что Бортнянский, который сочинил такую удивительную обедню, не может быть ниже самого первого чина, названия которого он, Вася, и не знает. Года полтора тому назад, после смерти Васиного отца, брата Андрея Нилыча, Андрей Нилыч взял Васю к себе. Его привезли из Тамбова, странно одетого, едва умеющего читать, вечно распевającego духовные канты. Он был доверчив, весел, думал, как пятилетний ребенок; не очень горевал в разлуке с матерью. Она была женщина полусумасшедшая: на Васиных глазах то бегала по монастырям, то влюблялась в лакеев. С сыном рассталась равнодушно. Васе странное казалось таким же простым, как и простое. Он всему равно верил, не думая, что есть ложь, и всему готов был радоваться.

– Генерал! Настоящий генерал, – говорил он, захлебываясь. – В нем что-то изящное. Правда, Вава? Очень. И прислуга у него. Шляпа широкая, желтая...

Она с давних пор привыкла каждого мужчину, о котором шла речь, примерять мысленно, годился бы он ей в женихи. Это делалось машинально, и так уже давно делалось, и такая тут была сила привычки, что, вероятно, и после замужества Маргарита не избавилась бы от этой неизменной мысли.

– Очень стар! – с прежним восторгом воскликнул Вася, у которого не было таких мыслей. – Едва движется, вот как стар! Из коляски прямо выкинули!

– Ну уж не ври, пожалуйста, – недовольно перебила Вава, перекусывая нитку. – С чего ты взял? Просто пожилой. Устал с дороги.

– Влюбилась, готово! – произнесла Нюра. – Вы знаете, Маргарита, наша Вава против генерала устоять не может. Ее идеал – рыцарь Делорж, а так как теперь рыцарей нет, то она думает, что рыцарство втайне сохранилось лишь в генералах. Героя, словом, ищет. А кто же герой, если не генерал?

Все улыбнулись. Вава добродушно рассмеялась и ничего не сказала.

– Пожалуйста, Маргарита, – продолжала Нюра язвительно, – вы уже не отнимайте у Вавы ее генерала. Вы ведь ее единственная соперница. На меня он не удостоит обратить внимания, подумает, что я еще у кормилицы...

– Не беспокойтесь, – холодно возразила Маргарита, обиженная намеком. – Я уж подожду вашего студента, авось он скорее попадет в мои сети.

Андрей Нилыч зевнул. Пасьянс у него только что вышел.

– Ну, деточки, поздно. Расходитесь. Завтра увидим, что за генерал. Батюшки, как возится наверху! Надо ему сказать, не забыть, чтобы дверь входную велел поправить. Совсем не затворяется.

III

Вася спал за перегородкой в передней. Долго слышно было, как он раздевался, потом вздыхал, но не от печали, а от полноты чувств, потом молился Богу на коленях и с усердием клал земные поклоны, слушая, как лоб стучит об пол. Наконец, повозившись, затих. На цыпочках миновал переднюю, Вава прошла к себе, в длинную просторную комнату, где она спала с няней. У няни был свой уголок, отгороженный кумачными ширмами. На деревянном треугольнике стояли образа с темными ликами, в серебряных ризах. Деревянный точеный образок, желтый, Варвары-великомученицы, с деревянным сияньем вокруг головы. Сзади была положена муаровая малиновая бумага, лампадка в виде рюмки с широкой ножкой из зеленого стекла горела перед образами. Живой поплавок поддерживал светильню, которая бросала мерцающие, зелено-бледные лучи вниз, на завешенное окно, на белую скатерть стола.

У другого стола няня складывала под лампадой вязанье, собираясь ложиться. Она повернула строгое, заботливо-недоброе лицо и, увидав входящую Ваву, стала вдруг ласковой. Черные глаза улыбнулись. Няня, на которой лежало хозяйство, уход за больным, счет деньгам, весь дом, вечно была озабочена, занята, ворчлива; у нее не было времени любить кого-нибудь. Одну Ваву она любила особенной любовью и считала ее родной. Для нее Вава была девочкой, и она баловала ее яблочком, черносливом, хотя мечтала для нее и о женихах.

– Что, Вавинька? – сказала она. – Спать пора. И пора-то прошла.

– Я ложусь, няня. Чего-то спать не хочется.

– А ты ляжь, благословясь, так и уснешь.

Вава подошла к постели и села на кровать, не снимая темного капота.

– Няня, хорошо здесь, – сказала она.

– Где, деточка?

– Здесь, на даче.

– Здесь солнышко горячее, – задумчиво сказала няня. – Моим старым костям хорошо.

Намедни села с вязкой у окна, а солнышко на руки. Уж так прогрело, так прогрело... Совсем другое солнце. Да тебе это что ж. Человек молодой, у тебя другое на уме. Поди, скучно тебе-то.

– Нет, няня, мне и солнце... А чего же скучать? Я знаю, ты скажешь – нет общества. Но это временно, няня, я не скрываю, люблю общество. Только если судьба встретит кого-нибудь интересного – я и здесь встречу. Ах, няня, сколько есть интересных людей! Только ты знаешь мой вкус. Я какого-нибудь не полюблю. Мне нужен характер. И чтобы известное изящество было. И встречаешь иногда, и веришь, а потом вдруг оказывается тряпка и совсем не то.

– Да, вот и не то! – полуворчливо произнесла няня, убирая что-то на столе. – Слава Богу, какие попадались, а все тебе не то, все, глядишь, дело-то и разладится. И в Москве, слава Богу, жила у покойной Анны Ниловны, и везде жила-и все судьба не выходит. А пристроиться оно-то лучше.

– Я знаю, няня... У Аниуты я была – теперь у Андрюши... Он болен, у него семья... Мне нужно свое положение иметь, ведь денег я ничем не могу Андрюше заработать... Только как же так за первого попавшегося замуж выходить? Я без любви не могу выйти. Это гадко.

Няня уже умилилась:

– Да что ты, глупенькая? Кто тебя заставляет? В тягость ты, что ли, Андрею-то Нилычу? Жди себе с Богом своей судьбы... Денег, видишь ли, она не может зарабатывать! Да видано ли, чтоб девушки деньги зарабатывали? Это пускай ужю Нюрка. У нее модность-то всякая. А ты, слава Богу, не из нынешних!

Она обернулась и, любя, взглянула на Ваву.

Вава все так же сидела с ногами на кровати, обняв колени обеими руками. Двойной свет, красно-зеленый, от лампы и лампы под образами освещал ее фигуру, согнутую в комочек, в

темном ситцевом капоте и продолговатое лицо. Вава была еще несколько лет тому назад очень красива... Теперь от этой красоты остались только следы. Смуглое, правильное лицо пожелтело, около больших карих глаз легли коричневые круги. И на поблекших чертах лежало странное выражение деятельности, порою юношеского веселья и ожидания. Как будто жизнь прошла сверху, не коснувшись души. Да жизнь и не проходила: Вава жила вся в будущем и не замечала, что это будущее никогда не приходило. Детство свое Вава мало помнила; вероятно, ее учили чему-нибудь, давно, но ничем не заинтересовали. Читала она только старые переводные французские романы – няне вслух. Любила общество, любила – слегка – всех людей, которые ее прежде находили красивой и которым она раз навсегда поверила добродушно и счастливо. Она ждала любви, выбирала, хотела, чтоб ее завоевывали, искала каких-то неясных «идеалов» из французских романов и не находила. В последние годы ей смутно стало приходиться в голову, что нехорошо жить вечно у брата, что хорошо бы выйти замуж. Но свежие губы ее улыбались с прежней добротой. Няня не замечала, как стареет ее любимица. И Вава не замечала сама. И если смутное, неосознанное чувство приходило к ней, оно было мимолетно, и она не хотела его сознавать.

Вава всех любила за то хорошее, что с ней будет впереди. И ей всегда было хорошо.

– Спать ложись, – настойчиво проговорила няня и потушила лампу.

Огонь метнулся вверх, оторвался от фитиля и исчез. Спокойные зеленые лучи лампадки ярко лежали на полу. Узкое лицо Вавы казалось бледнее и моложе. Она распустила негустые каштановые волосы, встряхнула ими и потянулась. Няня стала молиться Богу. Вава быстро сбросила капот, туфли и улеглась. Несколько минут она еще видела мерно кланяющуюся няню и ее мутную, громадную тень на стене. Потом ей опять вспомнилось, что все так хорошо и интересно и что никто не может знать, что еще будет завтра. Она закрыла глаза, и все тихо слилось и стерлось.

IV

На другой день генерал сделал визит. Андрею Нилычу понравилось, что хозяин так предупредителен, и он вышел к нему в очень хорошем настроении. «Старый такой, генерал, и первый сейчас же явился, – думал Андрей Нилыч, – вежливый человек».

Генерал, однако, показался ему не очень дряхлым. Он был, действительно, сед, даже с желтизной, но на голове белые волосы, хотя и редея, еще слегка завивались. У него была славная улыбка, обнажавшая хорошие зубы, и хотя видно было, они вставные, однако это не казалось неприятным. Красноватой рукой, когда-то красивой, но теперь со старчески негибкими пальцами, он тяжело опирался на свою массивную трость, даже когда сидел. Ходил, впрочем, бодро и твердо.

Андрей Нилыч принял гостя на балконе. Там была еще тень, только на ступени крыльца уже легли из-за угла первые лучи горячего солнца. Генерал сидел, опираясь на свою трость, и говорил немного глухим голосом, с легкой старческой невняtnостью, о том, как теперь плохо в Москве и в каком хорошем состоянии он нашел свои штамбовые розы. Он говорил с Андреем Нилычем, но иногда оборачивался к барышням, Маргарите и Нюре, и очень вежливо, со старинной галантностью им улыбался. Он вообще был похож на старого московского барина из родовитой семьи – и очень мало на профессора. Маргарита заметила его широкое, прекрасно сшитое платье и красивый старческий профиль. Она подумала, что он похож на Тургенева, только у него нос прямее. Потом ей вспомнилось, что все старики, когда у них белая подстриженная борода, похожи на Тургенева. Генерал нюхал табак из тяжелой золотой табакерки.

– Я очень доволен, – говорил Андрей Нилыч. – Здоровье мое видимо поправляется. Конечно, уединенно... Но даже и барышни не скупают.

Генерал опять с изысканной учтивостью улыбнулся в сторону барышень и спросил:

– А могу я узнать, услугами какого доктора вы здесь пользуетесь?

– Доктор Пшеничка... Я думаю, вы его знаете. Он был мне рекомендован. Он бывает здесь раз в неделю.

– А, милейший Пшеничка! Знаю, знаю... Он и ко мне захаживает. Хороший человек, неунывающий. Я и супругу его покойную знал. Он ведь остался – пять человек детей на руках! А в доме порядок на диво. Достойный, очень достойный. Я ему все жениться советую. Практика теперь недурна...

Вася, который сидел в уголку около растянувшегося Гитана (он не отставал от генерала ни на шаг) и с благоговением слушал, вдруг в восторге вскочил:

– Дядя! а дядя! Я тебе не говорил! Меня Пшеничка в гости звал. Что показать обещался! Дядя, а?

Генерал вздрогнул от неожиданности. Андрей Нилыч нахмурил брови, а Маргарита сказала:

– Можно ли так кричать, Вася!

Вася сконфузился, заробел и спрятался, прежде чем генерал успел сказать ему одобрительное слово. Нюре не нравился генерал. Во-первых, он генерал, а она презирала чины; во-вторых, он смешон со своими допотопными манерами, а никто этого не видит, все точно заискивают у него. Генерал, однако, не понимал взглядов ненависти, которые кидала на него Нюра; он, напротив, поглядывал на нее с удовольствием, такая она была белая, крупная и полная. Генерал посидел достаточно и собирался уже уходить, как вдруг в дверях, несмело улыбаясь, показалась Варвара Ниловна. Хотя она и любила «общество», но была по натуре робка и смущалась при новых знакомствах, особенно последние годы, когда она смутно чувствовала, что уже некрасива. Одеваться она тоже никогда не умела: любила вычурное и яркое или распашные темные капоты. Волосы причесывала как-то не то по-своему, не то по-японски, вверх – это,

впрочем, ее иногда молодило. Она была невысока ростом и не очень стройна; теперь синее, довольно светлое платье не очень ловко охватывало ее тонкий, но не привычный к корсету стан; впрочем, смущение делало интересным ее увядшее лицо.

Генерал приподнялся. Андрей Нилыч испугался, что опять выйдет недоразумение, которое было уже не раз: Ваву принимали за его жену, мать Нюры, отчего Нюра после смеялась сдавленным смехом, а Вава страдала. И он поспешил сказать, забыв, что ему следует представить гостя:

– Константин Павлович, моя сестра, *mademoiselle* Сайменова.

Тут уж, по крайней мере, все было ясно. Вава приветливо подала руку генералу и села к столу. Через минуту она завладела разговором, спрашивала его о самых обыкновенных вещах, болтала что-то о работах в парке, ошиблась, посмеялась над своей наивностью, ввернула кстати французское слово, хотя по-французски вообще говорила не очень свободно. Она занимала гостя с привычной, старой, удобной манерой, с дамской кокетливостью, впадая в наивность. Генералу это нравилось. Он отвечал впопад, не думая, и только однажды ему показалось, что в Варваре Ниловне есть что-то вульгарное, что-то «не из общества»... И ошибся, потому что, если действительно Ваве не хватало некоторой манерной утонченности, то вульгарна она не была.

Нюра, однако, с отвращением подумала: «Господи! С этим уж кокетничать начала! Экая мерзость! И о чем говорят? Фразы-то какие откальвают! Вместе обоим чуть не двести лет!» И она сказала громко, вставая:

– Вы не пойдете на родник, Маргарита?

Маргарита встала, но тут заторопился и засидевшийся генерал. Он оперся на трость, тяжело приподнялся, но как-то неловко отступил назад, к лестнице, и, вероятно, упал бы, если бы Вава решительным движением не поддержала его и не дала опраться. Он улыбнулся и пошутил над своей неловкостью, не желая признаваться, что ноги порою бывают у него слабы, и кинул благодарный взгляд на Ваву. Гитан тоже поднялся, чтобы следовать за генералом. Но он любил и Ваву. Он встал на задние лапы, положил передние ей на плечи и лизнул в лицо...

– Гитан со мной прощается, – сказала Вава. – Без вас он от меня не отставал. А теперь, хотя и с извинением, а все-таки пойдет за вами в парк.

– А вы разве никогда не гуляете? – любезно сказал генерал. – Если бы вы теперь вздумали сойти на нижнюю дорожку, к цистерне, я показал бы вам кактус, о котором говорил.

Он не говорил о кактусе, он спутал, по обыкновению, потому что уже часто забывал свои слова; но Ваву это не смутило:

– О да, я гуляю, особенно в этот час, – весело воскликнула она. – Я только возьму зонтик. И пойду с вами, чтобы... доставить удовольствие Гитану, – прибавила она с задорной и неудачной кокетливостью, убегая.

Через минуту они шли от крыльца по освещенной солнцем дорожке. Нюра и Маргарита еще видели, как генерал галантно предложил Ваве руку и она ее приняла. Старый Гитан, довольный, прихрамывая, бежал сбоку.

– Что ж ты нейдешь гулять, – насмешливо сказала Нюра Васе.

Вася махнул рукой и сказал только «эх!» Он еще не оправился от своего неудачного вмешательства в разговор. Однако не выдержал, взял фуражку, скользнул с крыльца и поплелся в парк, уничтоженный, мрачный и влюбленный, размышляя и никак не умея разобраться в мыслях.

V

Доктор Пшеничка был из поповичей. Он так и остался поповичем, маленький, юркий, белокурый, в очках, в широком парусиновом пальто. Вечные его прибаутки и резкий смех веселили Андрея Нилыча. Вава его считала за ничто и говорила, что он, по ее мнению, в медицине понимает мало. Нюра стала было заговаривать с ним о каких-то насущных вопросах, но он отвечал одними прибаутками. Ему нравилась тонкая, молчаливо-томная Маргарита. И как-то вскоре после приезда генерала Пшеничка, сделав обычный визит Андрею Нилычу, сказал:

– Ну-с, а теперь пойду засвидетельствовать мое почтение его превосходительству. Мы с ним старинные друзья.

– Он в парке, – сказала Маргарита.

– Не проведете ли меня туда, Маргарита Анатольевна? Кстати, мне нужно с вами пере-молвить словечка два. Давно собирался, да все времени не улучишь.

Андрей Нилыч вообразил, что Пшеничка хочет сказать что-нибудь печальное и важное о состоянии его здоровья, и выбрал Маргариту, как самую солидную и ему постороннюю. Он побледнел, но улыбнулся и сказал:

– Идите-ка, в самом деле. А тебе, Нюра, я письмо одно хотел продиктовать. Ты уж останься.

Маргарита надела широкополую соломенную шляпку и, слабо улыбаясь, подала руку Пшеничке.

Когда они вышли, Андрей Нилыч почувствовал себя почти дурно от любопытства и тревоги. Сказал Нюре, что пойдет на четверть часа к себе отдохнуть, но, минуя столовую, увидал Васю и подозвал его к себе.

– Вася, ты что? Гулять идешь?

Вася посмотрел на него грустно. Ему не везло в последнее время. С генералом, которого он безмолвно обожал, он никак не мог сойтись от радости. К тому же генерал все сидел на одной и той же узкой скамеечке под миндальным деревом, у цистерны. Туда к нему непременно приходила Вава и читала ему вслух громадную, как простыня, газету, которая называлась «Московские ведомости». Еще потом Вава сказала Андрею Нилычу, что она «во всем, во всем» разделяет взгляды этой газеты, а когда слегка либеральный Андрей Нилыч стал спрашивать ее подробнее об этом «всем», она смутилась, потом заплакала и сказала, что не изменит своим убеждениям, хотя бы ее и преследовали. Нюра вышла, хлопнув дверью, Андрей Нилыч рассердился и сказал Ваве, что она глупа и что у нее нет никаких убеждений. Вася слушал и внутренне замирал от восторга и зависти. Он понимал, что Ваву преследуют за убеждения генерала. Он рвался сердцем разделить эти убеждения, какие бы они ни были, и терпеть преследования, как Вава терпит, – пострадать, если нужно. Он хотел, чтоб генерал узнал об этом, – но как ему сказать? Через Ваву разве?.. А если она... не захочет, чтобы он страдал за то же, за что и она? И, пожалуй, узнают Нюра и Маргарита, не поймут, станут смеяться... К другу своему Пшеничке Вася сильно охладел.

– Нет, дядя, – печально сказал Вася, когда Андрей Нилыч спросил его, идет ли он гулять. – Я тут посижу.

– Чего сидеть? Все гуляют... Да. Вот и Маргарита с Пшеничкой пошли. Да...

Андрей Нилыч смутился и не знал, как начать.

– А вот, знаешь, Вася? Ты бы пошел... И они пошли. Что-то интересное хочет Пшеничка Маргарите сказать о генерале, – прибавил он, зная Васину слабую струнку. – Маргарита мне скажет, да только где ж ждать? Когда еще она вернется! А ты, знаешь... побегу – да за кустами, за кустами... И услышишь... Тогда марш сюда и скажи мне скорее... А?

– Я – хорошо, дядя, я сейчас, согласился мальчик весело. – Только зачем же за кустами? Я к ним подойду, а как Пшеничка все скажет – як тебе...

– Фу, какой глупый! Станет Пшеничка при тебе говорить! Для него это секрет. А ты потихоньку. Потом уж мы ему скажем, что ты слышал, после. И смотри, словечка не пророни! Они там о моем здоровье будут говорить – ты хорошенько запомни... Это тоже – слышишь? Тоже к генералу относится...

Вася, довольный и гордый возложенным поручением, уже бежал через двор, соображая, в какие кусты ему лучше забраться. Он так был занят своими важными мыслями, что с размаху налетел на Катерину, ту самую экономку или кухарку с острым носом, которая находилась при особе генерала.

Вася благоговел перед Катериной и боялся ее. Он едва не сбил ее с ног и стоял теперь ни жив ни мертв.

– Это еще что? – прошипела Катерина. – Толкаться, озорники эдакие? Ну уж жильцы, прости Господи! Эдаких жильцов... Да вот я доложу про эти вещи генералу. Что они скажут.

Вася облился ужасом.

– Катерина, милая, – прошептал он. – Ради Бога, не жалуйтесь на меня генералу. Я нечаянно. Я все готов... А я бежал... Дядя меня послал... Там говорить будут секрет, так я должен слушать... Про генерала будут...

Катерина хотела возразить что-то злое, но вдруг остановилась и пристально посмотрела на Васю.

– Ну чего же вы стоите, – сказала она менее жестко. – Идите, куда идете. Да тихонечко идите, неравно опять кого-нибудь убьете. Ладно уж, ладно. Ничего. Идите, куда посланы.

Вася, немного успокоенный, мерным шагом пошел к парку. Он уже сообразил, в каких кустах ему удобнее спрятаться.

Между тем Пшеничка, едва войдя с Маргаритой за ограду парка, не мешкая приступил к делу. Он точно предчувствовал, что на его секрет посягают.

– Вы, может быть, удивитесь моим словам, Маргарита Анатольевна, но уж я, извините, предисловий больших делать не могу. Я человек простой, немудрый, размазывать ни чужих, ни своих психологий не умею, как это нынче повелось, да и времени, по-моему, тратить на такие вещи не стоит. А потому скажите мне, чтобы уж я знал, угодно вам меня выслушать до конца?

Они шли по прямой бестенной дорожке; дальше, впереди, чуть под горой, толпились деревья, разноцветно-зеленые, яркие, в солнце. Под ними угадывались влажные тени и резкие, душистые запахи. Здесь по обеим сторонам тянулись невысокие стволы штамбовых роз. Теплые, крупные, матово-малиновые цветы раскрыли лепестки под солнцем. Малиновые розы пахнут вареньем и бархатом.

Маргарита приостановилась и взглянула сбоку на Пшеничку. Из-под некрасивой соломенной шляпы падали на виски пряди прямых белокурых волос. Очки были дымчатые, от солнца. Маргарита отвела взор направо, на куст вычурной, некрасиво-серой мимозы. Она тоже раздвинула все свои зубчики и томно принимала горячие лучи.

– Пожалуйста, говорите, – сказала Маргарита кратко, входя в тон собеседника.

Пшеничка поправил шляпу.

– Так вот, Маргарита Анатольевна... Пользуясь вашим позволением, я приступаю к делу... Я имею честь просить вашей руки, – закончил он круто.

Маргарита совсем остановилась и взглянула на него без удивления.

– Вы делаете мне предложение? – спросила она.

– Да, я прошу вас быть моей женой. Позвольте!.. – заторопился он, видя, что она хочет что-то сказать. – Я знаю все возражения, которые может сделать девушка на вашем месте. Я вас недостаточно знаю... Вы никогда об этом не думали... У меня много детей... Я не герой романа... Пусть, пусть. Не стану утверждать, что я вас безумно люблю. Но вы мне нравитесь.

Знаю я вас настолько, чтоб не надеяться найти в вас идеальной матери моим детям. Но дети не будут вам мешать. Одного я отдам моей сестре, по ее желанию, девочек свезу в Москву, в институт; остальные двое смиренны и имеют прекрасную бонну. Практика моя с каждым годом увеличивается, – положение в городе прекрасное. Если вы не чувствуете ко мне любви – это только к лучшему. Можно в будущем надеяться на привязанность. Вот что я вам предлагаю – и прошу сделать мне честь ответить на мое предложение.

– Вы хотите, чтобы я тотчас же дала вам решительный ответ? – начала Маргарита, вдруг смутясь. – Но я должна сказать вам...

В эту минуту недалеко, сбоку, за частыми деревьями послышался смех и веселый негромкий голос Варвары Ниловны. Слов генерала нельзя было разобрать, слышно было только его старческое покашливание.

– Тише, – произнесла Маргарита почти шепотом, – это опять Вава с генералом у цистерны сидят. Погодите, они, кажется, уходят. Вот скамейка направо, в акациях. Пусть они пройдут.

Генерал и Варвара Ниловна, точно, прошли мимо, под руку. Генерал добродушно улыбался, прихрамывая; Вава была в светлом платье, помолодевшая и веселая. Она не то опиралась на руку генерала, не то поддерживала его. Гитан, покорный и преданный, следовал за ними.

– Нет, нет, Константин Павлович, – говорила Вава, смеясь, с откровенной манерой молоденькой девушки. – Давайте пари держать, а discretion¹ – хотите?

Они зашли за виноградник, и ответ генерала остался неизвестным.

Маргарита усмехнулась.

– Видели?

– А что ж? – с добротой сказал Пшеничка. – Давай Бог. Я сразу смекнул. Варвара Ниловна девица сердечная. Тут ничего такого, чтобы одна корысть, обвести старика. Она не хитрая, разумности особой в ней нет, а сердце горячее... Она его искренно полюбит и уж успокоит лучше другой. Он ведь одинешенек. Стар, конечно, да ведь и она не молоденькая, сорок-то, верно, есть? А он, я вам скажу, только на ноги слаб, а то какой здоровый! Веку не будет. Да-с.

– Да и богат, кстати, – сказала Маргарита колко.

– Что ж? И это слава Богу. Мне прямо весело за Варвару Ниловну. Надо же и ей пожить. Он, действительно, очень богат. Партия для Варвары Ниловны, при ее годах, прекрасная, самая подходящая. За границу поедут. Мало ли! Дай ей Бог!

Маргарита знала хорошо, что ей двадцать девять лет, что отец ее живет на жалованье и очень стар. Знала, что если она до сих пор при своем миловидном личике и развязности киевской барышни не нашла подходящего жениха, то дальше искать его будет невозможно. Она уже думала о Пшеничке, но не смела рассчитывать на него. Когда он несколько минут тому назад сделал ей предложение, она задрожала от радости, но по его тону поняла, что он отказался и не ждет, и ей уже тогда стало слегка досадно. Теперь же при мысли о Ваве, о глупенькой старой Ваве, которая будет генеральшей и очень богатой, досада и злобная зависть схватили Маргариту за сердце. У нее не было ни охоты, ни энергии начать теперь игру с генералом, чтобы, может быть, отбить его у Вавы. И время пропущено, и лень, да и гадко немного; но она вдруг с ненавистью посмотрела на белые космы Пшенички, на его поповское пальто и пальцы, желтые от папирос.

«Тот и старик, да изящнее, – подумала она невольно. – А этот мещанин какой-то. Обрадовалась! Мадам Пшеничка! Весело, нечего сказать».

И она прибавила громко:

– Почему же вы так уверены в добром расположении генерала к Варваре Ниловне? Он, кажется, не глупый человек, а она...

---

¹ Без предварительных условий (*фр.*).

Маргарита усмехнулась. Кто-то завоzilся в кустах акации. Это был Вася, только что успевший догнать гулявших и залезть в кусты.

Собеседники оглянулись, но все было тихо.

– Генерала года такие, – сказал Пшеничка, – что если он заметит, что возбудил искреннее чувство, – это ему польстит. А Варвара Ниловна полюбит его искренно. На что ему ум? Варвара Ниловна – как ребенок, и он скоро будет, как ребенок. И как еще им весело будет! Ручаюсь за счастливую жизнь! Вы посмотрите, он и теперь уж стал бодрее!

И Пшеничка захохотал добродушно и громко, как смеется хороший человек, который своей судьбой доволен и другим желает добра.

Маргарита молчала. Примолк и Пшеничка, рассчитывая, что ему выгоднее переждать, что собеседница его сама должна вернуться к их главному разговору. А Маргариту ела бесцельная досада, и так ей было неудобно на душе, что она решила вдруг не давать теперь Пшеничке ни за что окончательного ответа.

«Ну, сорвется, так и наплевать, – думала она. – А так я не могу. Вот не могу и все. Подумаешь, сокровище! Может, еще и не сорвется».

Они молчали минуты две-три. Вася ждал продолжения разговора, но продолжения не было, и он соскучился. Тогда он подумал, что все уже кончилось, и потихоньку вылез из засады. Он не побежал, а степенным шагом направился к дому, припоминая и повторяя те немногие слова, которые – услышал, и стараясь вывести из них какое-нибудь осмысленное заключение.

Издали он видел, что доктор и Маргарита пошли вниз по кипарисной аллее и, кажется, опять говорили; но он уже не пошел за ними. Ему как-то стало скучно.

Переходя длинный двор, он снова увидел Катерину, которая чистила генеральский пиджак под миндальным деревом. Вася хотел миновать ее молча, но Катерина сама окликнула его довольно ласково:

– Что не веселы, голову повесили? Устали, видно, шалить-то? В парке гуляли?

Васино обожание к генералу почему-то за эти полчаса побледнело, и он теперь не очень опасался, что Катерина на него пожалуется. Но у него был тоже страх и к самой Катерине, безотносительный, – хотя он отлично понимал, что она, помимо жалоб, никакого зла ему причинить не может. Он боялся ее острого лица с тонкими, бледно-лиловыми губами, которые она постоянно облизывала. Боялся вялых, худых щек и вечной черной кружевной косынки, крепко подвязанной под подбородком. И потому он тотчас же остановился и предупредительно сказал:

– Да, в парке был.

– Что ж, слышали, что слушать хотели? Аль прозевали?

Так как Вася теперь меньше опасался, что Катерина нажалуется, и не хотел ее задабривать, то он, пожалуй, и ничего бы ей не сказал о слышанном разговоре, тем более и не понимал его особенно; но она спрашивала, да еще усомнилась, сумел ли он подслушать как следует. И он сказал:

– Ничего особенного. Слышал, что нужно.

– Должно быть, не очень слышали. Поймали вас в кустах-то. То и головку повесили.

– И никто меня не ловил. Отлично слышал, как доктор говорил Маргарите: я, говорит, уверен, что они счастливы будут, генералу, говорит, должно льстить искреннее чувство, а Варвара, говорит, Ниловна, его искренно любит; генерал, говорит, ребенок, и она тоже. А Маргарита, со своей манерой, так: вы в этом уверены? И, наверно, глаза прищурила. Я не видал! О дяде ничего не говорили. И никакого секрета не было. Что ж? Я не отрицаю. Генерала можно любить. Я его тоже люблю. Это очень обыкновенно.

Вася разошелся и все рассуждал. Катерина оставила пиджак, посмотрела и рассмеялась, показав маленькие желтые зубы. Вокруг глаз у нее собралось множество тоненьких и длинных морщинок.

– Так и сказал, счастливы будут? – перебила Катерина.

– Так и сказал. А что? – спросил Вася в смутном беспокойстве. Ему сделалось вдруг неловко и досадно, что он говорит с Катериной.

– Это значит – думают, вашей барышне – подлечочку женишок – тэк-с, – сказала Катерина равнодушно и принялась складывать пиджак. – А вы болтайте побольше, то и хорошо, – прибавила она и ушла, даже не обернувшись.

Вася остался в еще большей задумчивости. Жених! Они думают, что Вава выйдет замуж за генерала. Ну что ж! Это, в сущности, было решительно все равно и не казалось важным. Впрочем, слова Катерины о том, что не следует болтать, его немного испугали, и ему не хотелось говорить дяде о разговоре в саду. Пусть они себе там как хотят. И к генералу он слегка охладел, хотя понимал, что Вава его любит.

Он вообще во всем Ваву гораздо больше понимал, чем Ньюру или Маргариту.

Дядя пил чай в столовой. У него уже немного прошло любопытство, и он спросил Васю спокойнее:

– Что ж, говорил Пшеничка что-нибудь о моем здоровье?

Вася не умел лгать и обрадовался, что ему можно не рассказывать дяде про это смутное дело.

– Нет, дядя, ничего не говорили. Они все про другое. Ни одного слова про тебя не говорили.

– А! – протянул равнодушно Андрей Нилыч. И прибавил, обращаясь к идущей няне: – Убирайте самовар.

А Вася тихонько присел к роялю. У него были маленькие руки с узловатыми, трясущимися пальцами. Но он находил ими, неумело их ставя, верные и сложные аккорды. Слабым, тонким голосом, точно про себя, но с неуловимыми оттенками и переливами, постоянно подбирая на клавишах удивительную гармонию, он запел:

Помощник и Покровитель
Бысть мне во спасение...

Андрей Нилыч послушал и вышел на балкон. Он не любил тягучих церковных песен. А Вася за роялем, уже тихонько, точно вздыхая, сводил ноту на нет, как он умел, на нежном, покорно печальном:

А-ми-нь...

VI

Генералу нужно было съездить в Ливадию по какому-то делу, к знакомому садоводу, за розовыми семенами. Ливадия по шоссе считалась в двух верстах, только до шоссе дорога была хоть и не длинная, но крутая и неудобная. Случилось так, что с генералом поехала и Вава – «прокатиться». Последнее время они постоянно были вместе, и даже когда вечером генерал приходил играть в шахматы с Андреем Нилычем – Вава усаживалась неподалеку с какой-нибудь работой. Гитан лежал у нее на подоле, изредка поднимая голову, чтобы удостовериться, тут ли его барин.

Генерал долго думал над каждым ходом, тяжело дышал, не любил проигрывать, неизменно огорчаясь, и когда делал шах, говорил холодно: «Reine!» или «Roi!»² Выиграв, он делался весел и шутив.

Теперь Вава и генерал возвращались из Ливадии. Становилось свежее и серее, солнце уже закатилось. Экипаж ехал по шоссе, не быстро, потому что генерал боялся скорой езды. Он был в хорошем настроении, потому что достал тех семян, которых хотел. Сначала ему не понравилась шляпка Вавы, черная с желтыми цветами, но потом он привык, и ему даже стало казаться, что она к ней идет. Вава смотрела на него сбоку, видела его красивый профиль и завитки волос на лбу. Она подумала, что у него упрямое и властное выражение лица и что только люди с твердым характером настоящие люди. Он был изящен, умен, он был все; и ей захотелось ему без конца покоряться.

Справа светлело море, длинное и очень бледное, похожее на воздух без ветра. Оно казалось очень мелким, потому что на нем лежали извилистые и неподвижные тени, как бы от выступающего дна. От изгородей тянуло запахом осыпающихся роз. На скалах налево росли большие темные деревья – граб и дуб. Вдали иногда, на поворотах, блестела белая Ялта. Воздух был густой и стоячий.

– Нет, Константин Павлович, вы не знаете, – говорила Вава. – Я так рада, – так довольна, что побывала с вами в Ливадии. Там удивительно! Вы часто туда ездите? О, берите меня всегда с собой! Да, обещаете?

– Вот какая вы восторженная, – сказал, улыбаясь, Константин Павлович. – Я рад, если вам доставила удовольствие прогулка. И позвольте поблагодарить вас за честь, которую вы сделали мне, согласившись поехать со мной. Позвольте поцеловать вашу ручку. Как было бы скучно теперь мне возвращаться одному!

– Правда? Правда, скучно? Я вам даю какое-нибудь веселье? Скажите? Я всегда, я все готова сделать, если только вам со мною не скучно!

Она сияющими от восторга глазами заглядывала ему в лицо. Серые сумерки стирали ее черты. Светлел только узкий овал и большие счастливые карие глаза.

– Вы милая, славная, – сказал Константин Павлович дрогнувшим голосом и, взяв ее руку, маленькую и красивую, в перчатке, осторожно и нежно поцеловал.

Ему показалось, что все это уж было, так же мягко колебались рессоры, так же благоухал сонный воздух, маленькая рука дрожала в его руке и пара блестящих карих глаз глядела на него влюбленным взором. Потом ему показалось, что это именно то и есть, что было, то самое, а всего того, что было после длинного, незаметного времени, действительно не было. Тихая теплота прилила к сердцу; ему стало радостно, гордо и бодро.

Он еще раз пожал тонкие пальчики и осторожно выпустил их.

– Вы веселая, живая, – сказал он негромко. – С вами двойной жизнью живешь. Эта энергия, эта бодрость духа... нам, людям века, при нашей умственной сосредоточенности,

---

² «Ферзь!», «Король!» (*фр.*).

порою особенно нужна... Ею обладает женщина... И только женщина умеет истинно помочь... Посмотрите, дорогая, как хорошо? Вон первая звезда, большая, над морским горизонтом... знаете, как она называется?

Вава не знала. Она была только счастлива. Знакомое, часто испытанное, но всегда кажущееся первым и единственным чувство влюбленности наполняло ее душу. Вот оно, прекрасное, чего она ждала так давно. И с любовью смешивалось наивное тщеславие. Ей казалось, что все должны завидовать ей, потому что она генеральша, богата и любима таким изумительным человеком. Она испугалась за свое счастье, но потом сказала себе, что все непременно сбудется и не может сбыться. «А то я умру», – подумала она совсем искренно.

Они ехали молча. Все темнее и лучше становилось. Генерал и Вава были очень молоды, потому что у них было самое маленькое прошлое. Жизнь отошла и стала поодаль.

Когда во тьме стали спускаться вниз, по дурной дороге, – генерал подумал, что рессоры все-таки плохи; он почувствовал свои больные ноги. Но Вава осторожно поправила плед, и ему стало лучше. Кое-как доехали. На крыльцо вышла со свечой Катерина. Генерал взглянул на ее сухое лицо и сжатые губы в желтом пламени свечи – и ему показалось, что сразу кости его отяжелели, и он трудно вылез из коляски. Они простились с Вавой молча. Она отказалась от чаю и ушла спать.

VII

Няня Кузьминишна осторожно вошла в комнату, озаренную лампадкой. Она не хотела тревожить Ваву, которая давно легла.

Но когда няня помолилась Богу и, тихонько кряхтя, начала укладываться, Вава повернулась и вздохнула.

– Спи со Христом, – сказала няня.

Но Вава опять вздохнула и немного погодя произнесла:

– Я не могу спать, няня.

В голосе ее не было никакого сна.

– Что ты, матушка? Нездорова, что ли?

– Нет, я здорова. Ты послушай, – сказала она вдруг, совсем громко и села на постели. – Я тебе, так и быть, скажу. Я его безумно люблю.

– Что? Кого еще? Господи, Царь Небесный? В кого опять влюбилась? Кажись бы, не в кого.

– Его, няня, люблю. Константина Павловича, – прибавила она шепотом.

Няня плюнула.

– Да ты лоб-то перекрести. Винограду, что ли, обкушалась? Ему саван шить, а не любить его. Из него песок сыплется. Ты что? Ты у нас разумом не вышла, да зато красавица. На сколько годов-то ты его моложе?

– Что ж, няня? Любовь не спрашивает о годах. Это совсем все равно. Он чудный. Красивый, изящный, умный. Я никогда не думала, старый он или молодой. И он меня любит, я чувствую, что любит.

– Уж и любит, – усомнилась няня.

– Честное слово. Няня, вот ты сердисься, я ты подумай: я буду генеральша, он меня в высшее общество введет, потом за границу поедет... И такой, такой, как он! С его характером, с его умом! Ой, я задохнусь от счастья.

Няня молча встала и зажгла лампу. Потом аккуратно поправила поплавок у лампадки и, перекрестившись на образ, медленно подошла к Вавиной постели.

– Толком говори, – сказала она сурово. – Что он тебе предложение, что ли, сделал? Как было?

Вава начала рассказывать свою поездку в Ливадию. Говорила поспешно, несвязно и повторяла, что любит и что непременно будет генеральшей.

– Больше-то ничего? – спросила опять няня.

– А что же? Разве не ясно, что он думает... что хотел намекнуть... что он...

Она вдруг испугалась.

– Вот как я рассуждаю, милая моя, – начала няня. – Этот ты вздор из головы лучше выкинь. Ему не жениться. Что ты там влюблена в него – это пустое; ты и сама не знаешь, его ли, старого, любишь, либо генеральшей хочешь быть. Все у тебя вместе. Да пусть бы, коли бы так сразу вышло, а только не выйдет.хлопоты одне да срам наживать. У него, вон, сыновья большие. Тоже им не лестно. Приедут, да вступятся – куда тягаться? Он же старик слабый – старик уж всегда слаб. Впутают тебя, скажут невесть что. Верно тебе говорю – брось. Стыдно. А думаешь, Катерина эта? Она, небось, тоже им по-своему вертит. Ох, дела!

– Няня, что ты? – в ужасе вскрикнула Вава. – Зачем ты меня пугаешь? Никто у меня его не отнимет, если я его люблю! И генеральшей буду! Я никогда так не любила!

– Э, матушка! Такие ли были! И почище этого на твою красоту, бывало, зарились! И тоже «люблю, люблю»! А потом, глядишь, – и не надо. Делишки-то врозь.

Это было уж очень давно, и Вава тех едва помнила. Но она сказала:

– Ах, няня, что вспоминать! Ну, были тряпки, не люди, а какие-то так; и мил сейчас противен делается, если по моей дудке пляшет. А этот настоящий.

– Убила бобра. А только погоди, что еще Катерина скажет. И поверь моему слову – ничему не быть.

Вава всплеснула руками и заплакала. Сразу исчезла радость, кругом делалось темно, и ей стало невыносимо жаль себя. Она поверила, что ничего не будет, что опять потянется прежняя жизнь и надо опять надеяться на новое, а новое неизвестно когда начнется.

«Нет, я лучше умру», – опять подумала она, и умереть ей показалось неважно и мало перед таким великим жизненным горем.

Няня, не утешая, смотрела на свою любимицу. Очень ей это не нравилось.

– Няня, послушай, – заговорила Вава, поднимая от подушки заплаканное лицо. Оно было некрасиво, измято, волосы растрепались. Углы увядших губ горько и капризно опустились. – Няня, ты вот осуждаешь, а ты подумай. Разве я виновата? Ведь какая моя жизнь? И уж как это долго тянется? У сестры жила, у брата живу, – не говорят, а думают: чего замуж не выходит? Чего к своему месту нейдет? Все, ей-Богу, это думают, только не говорят. Хоть бы чулки меня научили вязать, платья шить, – ну бы и знала, что живу, чтоб платья шить. А то все к одному шло, я для того жила, чтоб замуж выйти. Да я бы вышла, няня... Да те, прежние-то... гадкие оказывались, не годные... а потом и не было. Я разве не готова любить? Вот встретился настоящий человек, и богатый, и умный, и нравится мне... а вот нельзя... Почему же, няня? Нет, я буду бороться! Это вздор, это не может быть! Хочу, и случится так, как хочу! Умру – а будет, вот как хочу!

– Не понимаешь, что и говоришь, – сердито возразила няня. – Умру, экое слово! Умирать тоже из-за такого вздора. Умереть-то легко.

– Очень легко. Разве не умирают от любви? Если жизнь обманывает – сердце разрывается. И пусть смерть! Я всегда боялась смерти – но и жить, если его не будет, не хочу! Умру – с его именем!.. Я его очень люблю, – прибавила она вдруг без напыщенности, тихо и просто, и стала жалкая, как ребенок. Она хваталась за свои мечтанья и плакала.

– У всякого свое, – сказала няня жестко. – Делай, как знаешь. Рай себе какой придумала, за мешок с костями замуж. Кому что любо. Да он еще тебе и руки не предлагал, еще посмотрим, что будет. Мое дело сторона, я тебе указывать не стану, а только пустое затеяно. Уж хоть не болтай ты на все стороны, скрывайся ты хоть по малости!

– Что я, няня, не человек? – всхлипывая, говорила Вава. – Ты моей жизни понять не хочешь! Ну, не выйду замуж – опять на меня с теми же мыслями глядеть станут, опять у брата жить, опять ждать... Разве есть на свете кто-нибудь, кто бы меня любил? Ты вот разве одна... Нюра любит меня? Или хоть Андрияша? А я всех люблю... И не могу так... Не могу... Умру из-за этого...

– Заладила... – заворчала няня.

Она что-то досадливо и ненужно прибирала на столе. Вава устала спорить и горько и бесконечно всхлипывала, уткнувшись в подушки. Слезы давали ей облегчение и нагоняли легкий и сладкий сон, прозрачный, как дремота.

VIII

Приезд Радунцева, несомненно, внес оживление в замкнутую жизнь Сайменовых. У него были знакомые в Ялте, которые его посещали и которых он неизменно представлял Андрею Нилычу и барышням. Правда, барышням они не очень нравились, потому что, как на подбор, оказывались весьма пожилыми и скучными. Были две приятельницы, сестры-вдовы, живущие вместе. Одна из них была баронесса и обожала собачонок. Генерала они обе знали лет двадцать, вечно с ним спорили, он их поддразнивал, но очень уважал и ценил. Каждая была немного старше Вавы, – но Вава с ними приняла тон задорной институтки; они говорили с ней покровительственно и недружелюбно. Вава к ним, особенно к старшей, баронессе, втайне ревновала.

Как-то в начале августа приятельницы генерала пригласили всех принять участие в пикнике. К ним приехала еще одна дама, подруга из Петербурга, и они решили повести ее на водопад в большой компании. Вообще Ялта становилась к осени многолюднее и шумнее.

Андрей Нилыч, конечно, отказался. Нюра и Маргарита тоже ехать не хотели. Но генерал пришел сам, так упрасивал их, так мило и шутливо умолял, что нельзя было не согласиться! Решили приехать после, на полчаса, прямо туда, а чтоб не ехать одним, придумали взять Васю.

Вася не очень радовался. Он последнее время особенно пристрастился к духовному пению, не пропускал ни одной службы в ближней церкви и завел себе там приятеля-дьячка, который знал все гласы и даже слыхивал про Бортнянского. Бортнянского же Вася обожал превыше всех и оставался верным своей страсти, несмотря ни на какие случайные увлечения.

Накануне пикника, назначенного на понедельник, Вася сидел вечером на перилах балкона, мурлыкая про себя какой-то восьмой глас. Генерал только что был и ушел. Маргарита и Нюра сидели рядом на ступеньках крыльца. Вавы не было.

Нюра смотрела на Маргариту. Ее смуглое, увядшее личико было бы красиво под горячими лучами низкого солнца, если б не вечное теперь выражение брезгливости и досады, которое портило ее маленький, красивый рот. Нюра усмехнулась.

– Что это вы, Маргарита, с Вавой почти не разговариваете? Поссорились, что ли?

– Я? С чего вы взяли? Из-за чего нам ссориться? Да и могу ли я с ней ссориться?

– Однако вы на нее дуетесь, – настаивала Нюра. – Знаете, мне иногда преинтересно наблюдать, какие вещи у нас происходят. Так, знаете, безмолвно наблюдать...

– Если вы говорите про эту красивую историю Варвары Ниловны, то я не понимаю... На вашем месте, – ведь она вам тетка, – я бы приняла какие-нибудь меры... Это такое посмешище... Андрей Нилыч просто слеп... Возмутительно...

Нюра спокойно пожала плечами.

– Мне все равно, – сказала она. – Забавно, разве посмотреть, что в конце концов выйдет. А вы возмущены – знаете почему? Вам завидно, а вдруг Вава будет генеральшей, дачку эту получит и всякое такое... Идеалы-то у вас жизненные очень схожие... Вы и беситесь...

Маргарита вспыхнула.

– Что же, вы думаете, что я стала бы кокетничать с этим генералом и пошла бы за него замуж? Скажите, скажите, докажите вашу проницательность.

– Нет, – произнесла Нюра, колеблясь. – Может, и не пошли бы. А все-таки завидуете. Вы сами лучше устройтесь. Всякий сам себя должен устроить, будущее от самого себя зависит.

– Вы что же, в сельские учительницы пойдете? – насмешливо проговорила Маргарита.

– Во всяком случае у меня идеал – небогатый жених, у меня есть святое, честное.

В голосе Нюры была детская важность. И лицо у нее приняло совсем детское выражение.

Вася услышал последние слова, прекратил мурлыканье и произнес:

– А как же ты, Нюра, давеча мне говорила, что святых вообще нет? А теперь уж, значит, есть?

– Ты ничего не понимаешь, – досадливо ответила Нюра. – Не с тобой говорят.

– Напрасно ты так о себе много воображаешь, Нюра, – укоризненно сказал Вася. – Сейчас сердиться, не понимаю! Отлично понимаю. Какие тут секреты? Вообще нет никаких секретов. Прясно все. И ты, и Маргарита, и Вава... И Пшеничка, – прибавил он, подумав.

Нюра захохотала, а Маргарита смутилась.

– Вот так мудрец! – смеялась Нюра. – Ну скажи, скажи, Васенька, что ж тебе ясно? Что я влюблена в генерала и хочу за него замуж? Это, что ли?

Вечер был красный и желтый. Солнце спустилось ниже гор, наполняя узкую долину густым, мглисто-янтарным дымом. Лиловые, затененные хребты гор были неясны, но приветны. Все опускалось в тишину. Знойный, ветреной день умирал кротко, светло и благоговейно. Где-то очень далеко заиграли зорю. Простые, робкие звуки, онеженные отдалением, не тревожили успокоенного вечера. Они тоже были словно подернуты предзакатным дымком и негреющим светом.

Варвара Ниловна тихонько вошла из комнаты на балкон и остановилась у перил, щуря вдаль близорукие глаза. Нюра перестала смеяться. Маргарите захотелось уйти, но лень было подняться.

Вася помолчал, послушал зорю, а когда она кончилась и кончились чуть слышные ее отзвуки по горам, серьезно произнес:

– Это ты, Нюра, ничего не понимаешь. Сейчас видно. Почему это по-твоему самое важное, кто за кого замуж выйдет? Пусть себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.